ВАШИНГТОН И АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА 1973 ГОДА

К.А. БЕЛОУСОВА
Кандидат исторических наук

Четвертая (Октябрьская) арабо-израильская война 1973 г., явившаяся самым крупным военным столкновением между арабами и израильтянами с момента создания в 1948 г. Государства Израиль, во многих отношениях стала поворотным пунктом в ближневосточном конфликте.

Всем ходом событий Ближний Восток уже к началу 1973 г. был подведен к войне. Решение начать войну, принятое президентами Египта и Сирии Анваром Садатом и Хафезом Асадом летом 1973 г., было вызвано полным отсутствием движения в проблеме вывода израильских войск с оккупированных территорий, что сказалось на крайне нестабильной внутриполитической ситуации двух стран, выразившейся в «невыносимом давлении общественного мнения»[1].

Однако если Асад стремился к освобождению Голанских высот, то основным движущим мотивом Садата было «растолкать» ситуацию и начать сепаратные переговоры.

НАКАНУНЕ

Изменение внешнеполитического курса Садата в целом означало новую направленность его политики: если не ориентация на СССР, то, соответственно, ориентация на США.

Крупный египетский журналист и политический деятель М.Хейкал пришел к выводу, что США придерживались в тот период 6 принципов своей ближневосточной политики. Это - исключение СССР как фактора, влияющего на развитие событий в целом в регионе Ближнего и Среднего Востока (БСВ) и, в частности, на процесс ближневосточного урегулирования; достижение не комплексного, а частичного урегулирования конфликта на двусторонней основе; проведение регулирования поэтапно; невозможность возвращения к довоенным границам 1967 г.; сведение палестинской проблемы к проблеме палестинских беженцев; «обеспечение интересов США» в районе БСВ[2].

Генри Киссинджер, который занимал пост помощника президента США Р.Никсона, а с сентября 1973 г. - и госсекретаря США, так обрисовал позицию Вашингтона: «...пока Советский Союз продолжал снабжать ближне- и средневосточные государства горами оружия, а их дипломатические программы были идентичны, Соединенные Штаты не интересовало сотрудничество с Москвой... С точки зрения Никсона ... наилучшей стратегией была бы демонстрация того, что возможности Советского Союза создавать кризисы не соответствовали его способностям их разрешать. Арабская умеренность вознаграждалась бы предоставлением ответственным арабским руководителям американской помощи... В процессе достижения этих целей Соединенные Штаты следовали ... двумя путями: они блокировали любой шаг арабов, который проистекал бы из советской военной поддержки или мог бы повлечь за собой возникновение советской военной угрозы; а также брали в свои руки мирный процесс... как только разочарование из-за тупиковой ситуации заставляло ведущих арабских лидеров отъединяться от Советского Союза и поворачиваться к Соединенным Штатам. Такого рода обстоятельства создались после арабо-израильской войны 1973 года»[3].

15 мая 1973 г. на заседании созданной при Белом доме Вашингтонской группы специальных действий, сформированной из представителей госдепартамента, Пентагона и других ведущих ведомств в периоды международных кризисов, Киссинджер поставил задачу, в том числе перед американскими спецслужбами, изучить то, «что сможет сделать Египет, различные формы израильской реакции и дипломатические проблемы, которые из всего этого возникнут», а также «пути возможного использования кризиса для дипломатического движения, если оно будет в интересах США, или возвращения к положению статус-кво, если это будет сочтено желательным»[4].

В целом, планы США в регионе устраивали Садата, но безрезультативность самых разных инициатив Вашингтона по урегулированию ближневосточных проблем толкали Садата на войну. Он полагал, что военные действия против Израиля заставят США оказать давление на Израиль в интересах арабских стран. Как Садат, так и Асад понимали, что США не допустят полного разгрома Израиля, одновременно надеясь и на то, что Советский Союз не бросит в беде своих друзей.

В книге Хейкала говорится, что Садат предупредил Запад о готовящейся войне с Израилем, а американские разведслужбы непосредственно перед военными действиями начали сбор информации при содействии дипломатов западных стран[5].

Однако, по свидетельству Е.М.Примакова, американские политики и ученые не верили в то, что арабские страны смогут начать войну против Израиля и тем более ввести нефтяное эмбарго[6]. Они учитывали такие факторы, как поражение арабов в предыдущей войне, «неприступная» линия Барлева, сложность координации сирийско-египетского наступления, незаинтересованность арабов в ухудшении отношений с Западом. Высылка Садатом в июле 1972 г. советских военных советников из Египта навеяла как американцам, так и израильтянам мысль о том, что Египет не собирается начинать войну.

Стремясь не обострять отношения с арабскими странами и защитить свои нефтяные интересы на Ближнем Востоке, Вашингтон сосредоточил усилия на том, чтобы удержать от опрометчивых шагов Израиль. Посол США в Израиле К.Кетинг накануне войны пытался убедить израильского премьер-министра Голду Меир в необоснованности «превентивного удара»: Израиль не должен был выглядеть в глазах общественного мнения агрессором. Кроме того, американцы оказались бы в затруднительном положении при оказании Израилю военной и другой помощи[7]. По мнению США, Израиль победил бы арабов в считанные дни, даже без «превентивного удара»[8]. Не стоило опасаться и союза Египта и Сирии, потому что они преследовали разные цели. Киссинджер не уставал повторять в телефонных разговорах с министром иностранных дел Израиля А.Эбаном свои возражения против превентивного удара[9].

6 октября в 8 утра, за 7 часов до начала войны, на совещании израильского руководства было принято решение не наносить первыми удар. «Если мы ударим первыми, мы ни от кого не получим помощь», - заявила Меир[10]. Европейские страны под угрозой арабского нефтяного эмбарго уже перестали снабжать Израиль военным снаряжением. И в результате Израиль полностью зависел в этом плане от США и, разумеется, боялся испортить отношения со своим основным и единственным на тот период поставщиком вооружений. После того, как уже было принято решение не нападать первыми, из Вашингтона пришла телеграмма от Киссинджера: «Не наносите первый удар»[11].

Киссинджер утверждает, что американское разведывательное сообщество не предполагало, что войну начнут Египет и Сирия. И для Белого дома их наступление стало полной неожиданностью[12].

УСПЕХ И «ОПЕРАТИВНАЯ ПАУЗА»

Начало войны было в высшей степени успешно для арабов. Операции по форсированию Суэцкого канала и преодолению линии Барлева, на которую так уповали израильтяне, были проведены очень быстро и удачно[13].

Советское руководство предложило Садату и Асаду самое разумное решение: добиваться прекращения огня еще в тот период, когда у арабов были выигрышные позиции, что означало чистую победу, даже при определенном потеснении позиций арабов. Министр иностранных дел Египта И.Фахми придерживался такой же точки зрения[14].

9 и 12 октября 1973 г. ближневосточная ситуация рассматривалась в Совете Безопасности ООН. СССР придерживался своей последовательной линии о необходимости вывода израильских войск с оккупированных территорий. США требовали прекращения огня и отвода войск на линии разграничения, существовавшие до войны 1973 г.

Тем временем в результате израильского контрнаступления на Голанских высотах в труднейшей ситуации оказалась сирийская армия.

К просьбам сирийцев о переброске на их фронт части египетских войск, чтобы ослабить натиск израильтян, Садат, на которого была возложена задача координации действий арабских вооруженных сил, остался глухим, ссылаясь на «оперативную паузу» и необходимость избежать лишние потери. Однако эта медлительность привела к большим потерям как со стороны сирийцев, так и египтян. В итоге Сирия была обессилена. Ряд российских исследователей считает, что эта медлительность «не была оправдана никакими военными соображениями, тем более что египетские солдаты и младшие командиры, воодушевленные успешным форсированием Суэцкого канала, сами рвались в бой и недоумевали по поводу наступившей так называемой «оперативной паузы»[15]. Такого же мнения придерживается и М.Хейкал[16]. Американские военные также выражали предельное удивление действиям Садата[17]. «Офицеры США считают, что если бы египтяне предприняли стремительный бросок в самом начале войны, они могли бы иметь успех»[18].

Было также приказано прекратить обстреливать израильские мосты и переправы, по которым египтяне вели огонь, и весьма успешный[19]. Таким образом, Садат прислушался к предупреждению со стороны США, которые ни в коей мере не хотели поражения израильтян.

Приходится делать вывод, что Садат вел дипломатическую игру. Он уже стремился осуществить свои собственные планы, может, тогда еще окончательно не оформившиеся в идею о сепаратном договоре с Израилем, но имевшие тенденцию к разрешению конфликта при посреднической роли США. Садат не посвятил Асада в свои планы «ограниченной войны»[20] и не дал ему даже намека на то, что война для него являлась лишь средством начать переговоры.

В конце 1975 г. Садат в беседе с советскими учеными Е.М.Примаковым и И.П.Беляевым, разоткровенничавшись и в, конечном итоге, проговорившись, признал, что египетские генералы оказывали на него давление с тем, чтобы перерезать узкий коридор, связывавший танки Шарона с основными силами, и ударить по захваченному плацдарму. По его словам, египетская армия вполне была в состоянии нанести удар по израильтянам на завершающем этапе войны, и у них был, по крайней мере, двойной перевес в артиллерии и танках. Но этим планам воспрепятствовал Киссинджер. Он предупредил Садата, что «если советское оружие одержит победу над американским во второй раз, то у меня не будет возможности сопротивляться Пентагону и наши договоренности с вами будут под ударом»[21]. Когда Беляев и Примаков спросили в один голос, какие договоренности имел в виду Садат, последний перевел беседу в другое русло.

Вызывает также удивление, что Садат не уделил должного внимания стыку 2-й и 3-й армий на восточном берегу канала. Именно там остался один израильский пост, и 16 октября израильские танки переправились через Суэцкий канал в районе Большого Горького озера и стали наступать по направлению к Каиру.

ПЕРЕЛОМ В ВОЙНЕ

После первой недели боев Армия обороны Израиля оказалась в очень трудном положении, учитывая уровень потерь и расход боеприпасов. Меир и министр обороны М.Даян уже обсуждали, не попросить бы им перемирия,

но США были против. Меир звонила послу Диницу в Вашингтон и днем и ночью, вопрошая: «Где воздушный мост с припасами для нашей армии? Почему он еще не действует? Как-то я позвонила в три часа утра по вашингтонскому времени, Диниц ответил: «Мне не с кем сейчас разговаривать, Голда, тут еще ночь». «Мне все равно, который у вас час! - вопила я в ответ Диницу. - Звони Киссинджеру немедленно, среди ночи. Нам нужна помощь сегодня. Завтра может быть поздно»[22].

Будучи первоначально уверенным в быстрой победе Израиля, Белый дом не торопился с поставками оружия Израилю, чтобы не раздражать арабов. Наилучшим исходом он считал, по словам одного высокопоставленного лица, такое положение, при котором «Израиль побеждал бы, но с разбитым в кровь войной носом»[23]. Это делало бы его более сговорчивым на переговорах при посредничестве США.

Определенную роль в задержке военных поставок Израилю сыграло и стремление Вашингтона осуществить такие поставки с помощью американских коммерческих перевозчиков. Киссинджер считал, что такое решение вопроса свидетельствовало бы об относительно сдержанной позиции США и помогло бы избежать полного отождествления позиции Соединенных Штатов и Израиля в глазах арабов. Однако все усилия наладить коммерческие чартерные рейсы потерпели неудачу. Американские авиакомпании не хотели рисковать своими прибылями, да и посылать свои самолеты в зону военных действий не решались.

Тогда Никсон принял решение использовать американские военные самолеты. Воздушный мост заработал 13 октября. К этому времени Израиль потерял около трети своей авиации и более трети танков. Запасов некоторых видов боеприпасов оставалось лишь на несколько дней[24]. Объем американской помощи стал настолько крупным, что министру иностранных дел Эбану, который тогда находился в Нью-Йорке, поступила инструкция не поддерживать никакие инициативы о прекращении огня. За период с 13 по 24 октября израильтянам было поставлено 128 боевых самолетов, 150 танков, 2 тыс. противотанковых управляемых реактивных снарядов (ПТУРСов) новейшего образца, кассетные авиабомбы, а всего 27 тыс. т военных грузов[25]. По оценке иностранных специалистов, военных запасов Израиля без американских поставок могло бы хватить не более чем еще на 2 недели. Иначе за 18 дней, в течение которых продолжалась война, Израиль был бы полностью истощен[26].

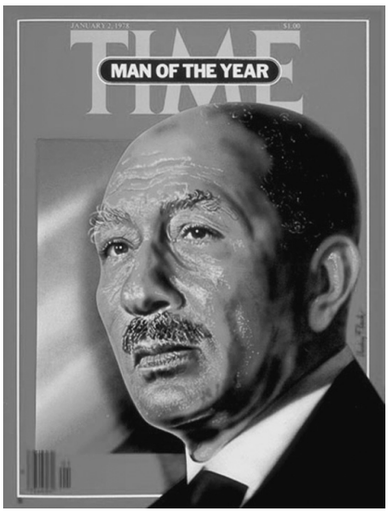
Помимо предоставленного Вашингтоном Израилю для покрытия его потерь за время войны вооружения на $1 млрд, с соглашения Конгресса, Израилю было поставлено $2,2 млрд на военные нужды[27]. Эта беспрецедентная по масштабам военная помощь совпала с началом осуществления политики поэтапной дипломатии.

По мнению Х.Герцога, американский воздушный мост по переброске вооружения был важен для Израиля как с военной точки зрения, так и с политической: «недвусмысленный характер американской помощи, несомненно, оказался важным фактором, способствовавшим прекращению огня и превращению роли Соединенных Штатов в центральную на ближневосточной сцене в последующие месяцы»[28].

Надо отметить, что далеко не все в американском истеблишменте одобряли такую глобальную помощь Израилю. Председатель сенатского комитета по иностранным делам У.Фулбрайт заявил: «Видится, у нас нет веры в Женевскую конференцию, и мы вооружаем Израиль до такой степени, что ему не придется что-либо делать на конференции...»[29]

После оказания такой масштабной помощи Израилю США пытались оправдаться в этом перед арабскими странами: в посланиях президенту Египта и королю Саудовской Аравии было сказано, что военные поставки Израилю, являясь «простым фактом международной политической жизни», могут помочь США повлиять на Израиль в деле достижения справедливого мира.

К 21 октября ситуация на южном участке фронта вышла из-под контроля Египта. 3-я армия была взята в кольцо, а израильтяне могли идти дальше вглубь, что не мог позволить Израилю даже Вашингтон. Как пишет генерал Шазли, «фактически с 23 октября 3-я армия стала разменной монетой в руках Израиля и Г.Киссинджера. Ее судьба оказалась тесно связанной с требованиями Израиля и США, с одной стороны, и готовностью Садата их принимать - с другой... Борьба переместилась с поля брани на поле политики, и человеком, в чьих руках была судьба 3-й армии, стал Г.Киссинджер. Он хорошо знал это, как знал и то, что А.Садат понимает роль госсекретаря США. Однако Г.Киссинджер постоянно напоминал об этом президенту Египта, чтобы добиться от него еще большей покладистости и уступчивости»[30]. Так, одним из требований Киссинджера к Садату, исходя из положения 3-й армии, было повлиять на те арабские страны, которые использовали нефтяное оружие.



Разворотом на 180 градусов в сторону Вашингтона и сепаратного мира с Израилем президент Египта А.Садат заслужил место на "параде знаменитостей", став "человеком года" журнала "Тайм", и смертельную пулю исламистских террористов.

ПОБЕДИЛ... КИССИНДЖЕР

Г.Киссинджер и Л.И.Брежнев во время встречи в Москве (20-21 октября) согласовали совместный текст предлагаемой Совету Безопасности резолюции, которая призывала не только к немедленному прекращению огня, но и (по настоянию советской стороны) к выполнению резолюции № 242 по Ближнему Востоку. Киссинджер вылетел из Москвы в Тель-Авив и добился согласия Израиля на прекращение огня на западном берегу канала, открытия линии подвоза продовольст-

вия осажденной египетской 3-й армии и вывода израильских войск с западного берега канала, в то время как египтяне не уступили своего плацдарма на восточном берегу.

Еще перед полетом в Москву Киссинджер успокоил израильское руководство, заявив послу Израиля в Вашингтоне Диницу, что благодаря своей поездке он сможет выиграть для Израиля еще несколько дней для завершения военных операций[31].

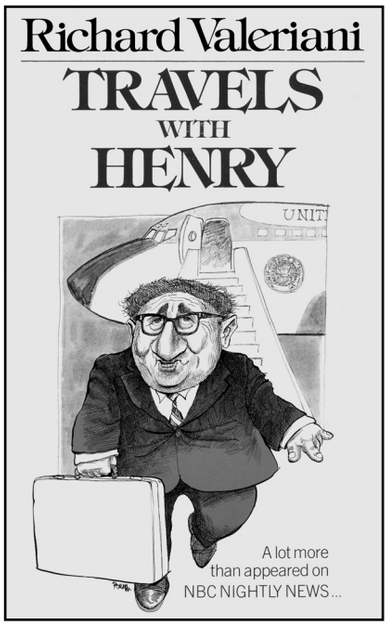
Во время нахождения госсекретаря в Москве Садат передал ему по секретному каналу через Х.Исмаила*, что он готов «отделить прекращение огня от всеобщего урегулирования». Киссинджер не поделился новостями с советскими руководителями, объяснив ситуацию в своих мемуарах таким образом: «Предложение о прекращении огня Москва сопроводила для Садата положением, что советское участие в конференции будет гарантией давления на Соединенные Штаты и Израиль. Но Египет уже сместил акцент в своей политике, переориентировавшись на Соединенные Штаты, и соответственно переключился от всеобъемлющего подхода к поэтапному. В таких условиях большая советская роль явно выглядела как нежелательная, может быть, даже опасная, так как Москва могла стать защитником радикальных решений и таким образом сыграть против того, что задумал для себя Садат»[32].

После Москвы Киссинджер полетел в Израиль. Разумеется, он не воспользовался ситуацией неуверенности, которая характеризовала израильское общество в тот период, чтобы склонить Израиль к всеобъемлющему урегулированию, но, наоборот, сделал все возможное, чтобы успокоить Меир относительно будущих планов.

22 октября Совет Безопасности принял резолюцию № 338, предусматривавшую прекращение огня и всех военных действий с оставлением войск на занимаемых ими на 22 октября позициях. Резолюция также призывала немедленно начать «практическое выполнение резолюции № 242», которая предусматривала «вывод израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных» в 1967 г.

После посещения Израиля Киссинджер направился в Египет. Согласие Садата было получить нетрудно, поскольку египетский президент заявил, что у него 2 цели: вернуть «свою территорию» и заключить мир[33].

Израиль был вынужден согласится с резолюцией № 338, предварительно получив от Никсона и Киссинджера твердые заверения в продолжении американской военной помощи[34]. Но он медлил с ее выполнением. Обсуждения в Москве сложившейся ситуации на заседаниях Политбюро достигли накала в результате того, что Садат по специальному телефону буквально умолял Брежнева сделать все, чтобы «спасти его и египетскую столицу, которую уже окружают израильские танки». Когда Брежнев связался по прямому проводу с главным военным советником СССР в Каире, тот ответил, что Садат «совсем потерял голову», когда узнал, что несколько израильских танков перешли Суэцкий канал, которые, однако, вскоре ушли обратно. То есть непосредственно Каиру угрозы не было.



Все лавры "челночной дипломатии" и поэтапного примирения Египта и Израиля обычно приписывают госсекретарю США Г.Киссинджеру…

Вашингтон затягивал созыв нового заседания Совета Безопасности, чтобы дать Израилю время перерезать единственный путь снабжения для 3-й армии. Одновременно Киссинджер постепенно начал нажимать на посла Израиля Диница, чтобы израильтяне «не перегнули палку» в отношении 3-й армии. Как пишет Киссинджер, «было ясно, что, если бы мы позволили это, конфронтация с Советами стала бы неизбежной. Ушли бы в небытие также все надежды на новые отношения с Египтом вместе со всеми перспективами переговоров»[35]. Прав А.Васильев, полагая, что США была ни к чему проблематичная победа Израиля над Египтом, который уже убрал советские войска и тайно выражал готовность к сотрудничеству с США на антисоветской основе[36].

Киссинджер употребил рычаги влияния на Израиль, и 25 октября была одобрена вторая резолюция Совета Безопасности, призывающая к соглашению о прекращении огня. Резолюция от 25 октября 1973 г., в совокупности с резолюцией от 22 октября, впервые в истории арабо-израильского конфликта призывала прекратить огонь, связывая это решение с проблемой ликвидации коренных причин конфликта. В ней содержалось положение о том, что «...немедленно и одновременно с перемирием начнутся переговоры между затрагиваемыми сторонами под соответствующим покровительством, нацеленные на установление длительного мира на Ближнем Востоке».

Вашингтон вынужден был пойти на компромисс ввиду невозможности прямой конфронтации с СССР, стремления не допустить обострения отношений с западными союзниками и боязни оттолкнуть от себя арабские страны, особенно нефтедобывающие. Впрочем, на деле Вашингтону удалось свести «переговоры между затрагиваемыми сторонами под соответствующим покровительством» к «челночной дипломатии» и сепаратной сделке между Египтом и Израилем.

По свидетельству Киссинджера, «не было ни дня во время войны без контакта с Каиром». Парадоксально, но он сам признает, что этот диалог был «странным» - «диалог между страной, ведущей войну с американским союзником, и Соединенными Штатами, чье оружие мешало осуществле-

* Хафез Исмаил - советник президента Египта по национальной безопасности.

нию провозглашенных египетских целей»[37]. В ходе этого «странного диалога» Вашингтон получил обещание Садата сделать все, чтобы открытие «воздушного моста» из США в Израиль не привело к возникновению антиамериканских настроений и действий в Египте. Со слов Киссинджера, Садат сдержал свое обещание[38].

Вашингтон стремился сохранить отношения с Израилем как наиболее лояльным и мощным союзником на Ближнем Востоке при одновременном усилении американских позиций в арабском мире и вытеснении СССР из региона. Решению этих задач способствовала «сугубо ограниченная» война» Египта, поскольку выход за ее рамки противоречил бы стратегическим целям США.

Решение Садата придать войне «ограниченный» характер, которое было принято на заседании Совета национальной безопасности Египта 2 октября[39], говорит о том, что в задачи Садата входило не освобождение оккупированных территорий, а захват небольшого плацдарма с целью размораживания конфликта. Такая позиция во многом совпадала с планами Вашингтона. Киссинджер пишет в своих мемуарах, что «Садат знал из двух секретных встреч в начале 1973 г. между его советником по национальной безопасности Хафезом Исмаилом и мною, что мы намеревались приступить к дипломатическому урегулированию ближневосточного конфликта. Но при этом он должен был сделать два вывода: первый - что арабская программа о полном выводе израильских войск недостижима, и второе - что немедленное решение не может быть принято Египтом, пока создается впечатление, что он делает это из-за слабости. Таким образом, Садат вступил в войну не для того, чтобы овладеть территориями, а для того, чтобы восстановить в Египте чувство самоуважения и таким образом дать простор своей дипломатической гибкости»[40].

Война 1973 г. кардинально изменила ближневосточную обстановку. Несмотря на военную неудачу арабов, она развеяла миф о непобедимости Израиля и содействовала установлению более равновесного соотношения сил между Израилем и арабским миром, прежде всего с Египтом. Тем самым она проложила путь к осуществлению вашингтонской идеи об урегулировании арабо-израильского конфликта путем частичных мер при вытеснении СССР из этого процесса.

… но ее архитектором был президент США Р.Никсон. На снимке: чета Никсонов принимает в Белом доме премьер-министра Израиля Г.Меир.

Отказ США от ближневосточного урегулирования в рамках Женевской конференции объясняется, прежде всего, тем, что СССР мог заблокировать попытки США навязать сепаратные договоры между Израилем и арабскими странами и ставил вопрос о выводе израильских войск со всех территорий, оккупированных в 1967 г., и восстановлении законных прав арабского народа Палестины. А это не входило в планы США и Израиля.

---

[1] *Васильев А.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М., Наука, 1993, с. 110.

[2] *Heikal M.* The Road to Ramadan. L., 1975, p. 203.

[3] *Киссинджер Генри.* Дипломатия. М., Ладомир, 1997, с. 670-671.

[4] *Kissinger H.* Years of Upheaval. Boston-Toronto, 1982, p. 462.

[5] *Heikal M.* Op. cit., p. 18.

[6] *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века). М., Российская газета, 2006, с. 148.

[7] *Кон-Шербок Ден, эль-Алами Дауд.* Палестино-израильский конфликт. Две точки зрения. М., 2002, с. 106.

[8] *Медведко Л.И.* К востоку и западу от Суэца (Закат колониализма и маневры неоколониализма на Арабском Востоке). М., Издательство политической литературы, 1980, с. 207.

[9] *Kalb M., Kalb B.* Kissinger. Boston-Toronto, 1974, p. 459-460.

[10] *Rabinovich A.* The Yom Kippur War: The Epic Encounter that Transformed the Middle East. Princeton, NJ, 2003, p. 89.

[11] *Sachar Howard M.* A History of Israel from the Rise of Zionism to Our Time. New York, 1982, p. 755.

[12] *Киссинджер Генри.* Указ. соч., с. 672.

[13] Такой молниеносный успех был достигнут благодаря советскому оружию, о чем пишет Хейкал и который приводит сообщение Садата советскому послу: «Передайте Брежневу, что именно советское оружие совершило это чудо переправы!» (*Heikal M.* Op. cit., p. 214).

[14] *Fahmi I.* Negotiating for Peace on the Middle East. L., Canberra, 1983, p. 33.

[15] *Медведко Л.И.* Указ. соч., с. 216.

[16] По его мнению, «египетские войска на Синае, успешно отражавшие контратаки израильтян, упустили благоприятную возможность прорваться к горным перевалам в центре Синая. Это был период так называемой «оперативной паузы», который привел к яростным спорам между египетским и сирийским политическим и военным руководством. Эти споры не разрешены до сих пор» (*Heikal M.* Op. cit., p. 212).

[17] Newsweek, 29.10.1973.

[18] Ibid.

[19] *Heikal M.* Op. cit., p. 235.

[20] Начальник генерального штаба египетской армии генерал С.Шазли был проинструктирован министром обороны Египта Исмаилом Али составить для Сирии отдельный план наступления. По мнению Исмаила, если бы сирийцы увидели, что египетские планы ограничены выходом на линию в пределах десятимильной зоны к востоку от канала, они бы не начали войну вместе с египтянами (*General Shazly S.* The Crossing of Suez: The October War (1973). L., 1980, p. 30, 31).

[21] Цит. по: *Примаков Е.М.* Указ. соч., с. 151.

[22] См.: *Меир, Голда.* Моя жизнь. Чикмент, 1997.

[23] *Safran, Nadav.* Israel: The Embattled Ally. Cambridge: Harvard University Press, 1978, p. 482-490.

[24] The Washington Post, 29.11.1973.

[25] Flight, 1973, 25 October.

[26] Flight, 1973, 26 October.

[27] *Quandt W.* Decade of Decisions: American Policy Toward the Arab-Israeli Conflict. 1967-1976. Berkeley, 1977, p. 191.

[28] *Герцог Х.* Арабо-израильские войны 1967-1973. Москва, Аст, 2004, с. 194.

[29] Hearings before the Committee on Foreign Relations United States Senate 93-d Congress. Wash., 13.XII.1973, p. 42.

[30] *General Shazly S.* Op. cit., p. 11.

[31] *Quandt W.* Op. cit., p. 190-191.

[32] *Kissinger H.* Op. cit., p. 645.

[33] *Kissinger H.* Op. cit., p. 638.

[34] *Quandt W.* Op. cit., p. 194.

[35] *Kissinger H.* Op. cit., p. 576.

[36] *Васильев А.* Указ. соч., с. 114.

[37] *Kissinger H.* Op. cit., p. 574.

[38] Ibidem.

[39] *Heikal M.* Op. cit., p. 25.

[40] *Kissinger H.* Op. cit., p. 460.